

В.З. Демьянков (Москва, Россия)

*Институт языкознания РАН
vdemiank@mail.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ТЕОРИЯ ЛИНГВИСТИКИ¹

Анализ лингвистической литературы показывает различия, проявленные в употреблении терминов «теория языка», «лингвистическая теория» и «теория лингвистики». Эти разные типы теорий предполагают и различные меры адекватности теорий, а также различные возможности неязыковой (в частности, психологической) реальности теорий vs. языковой реальности «не-языка».

Ключевые слова: теория языка, лингвистическая теория, теория лингвистики, внеязыковая реальность лингвистической теории, языковая реальность не-языка.

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

В русском языке, в отличие от английского и многих других западноевропейских языков, прилагательное *лингвистический* не рекомендуется употреблять в значении *языковой*. Так, говорить о *лингвистических ошибках* в значении «ошибки в языке» или «языковые ошибки» – рисковать совершить языковую (а потому и лингвистическую) ошибку: «Когда речь идет о различиях в языке, неуместно употреблять термин, относящийся не собственно к языку, а к науке о языке» [Блохин 2002]. Однако этот мягкий запрет очень часто нарушается. Один из наиболее частых случаев – когда термин *лингвистическая теория* употребляется как синоним одновременно терминов *теория языка*, *теория лингвистики* (теория того, как наука о языке может и должна быть устроена) и *теория лингвистов* (взгляды, рассматриваемые всерьез лингвистами-профессионалами). При этом не являются языковыми ошибками словосочетания: *лингвистическая* (в отличие от математической или биологической) *теория языка*, *лингвистическая* (в отличие от дилетантской) *теория лингвистики* и *лингвистическая* (в отличие от науковедческой) *теория лингвистов*.

Поскольку лингвисты очень много занимаются установлением тонкостей в употреблении и в значении самых разных именовании, очень далеких от лингвистики, не будет лишним покопаться и в собственном хозяйстве и попытаться выяснить, что же мы имеем в виду под указанными терминами теоретической лингвистики.

1. Теория языка

Теория языка – система посылок и объяснений того, что такое язык, как он устроен, как он возник, как функционирует и почему его употребляют тем или иным образом. Главный отличительный признак теории языка – поиск сущности языка; именно этим всю свою жизнь занималась Е.С. Кубрякова. Посмертно изданная ее монография [Кубрякова 2012] называется по-прустовски ностальгично и наводит на мысль, что представления о сущности языка нам доступны от рождения, сопровождают нас всю жизнь, но мы – увы – не всегда их осознаем или адекватно формулируем.

Вопросы, занимающие теорию языка, имеют давнюю историю. Сегодня, в эпоху повышенного интереса к антропологии языка, к наиболее актуальным относятся следующие проблемы [Stroik, Putnam 2013: 156-157]:

- в чем состоит «языковая способность» человека (Гумбольдт),
- как эта способность усваивается (Платон),
- как эта способность применяется на деле (Декарт),
- как знание языка «имплементировано» в мозгу (Брока),
- как это знание возникло с развитием человеческого вида (Дарвин),
- как эта эволюция реализовалась за сравнительно короткий период времени (Hornstein),
- как выглядит оптимальная архитектура языковой способности (Тюринг),
- как выглядит оптимальная «вычислительная система» для языковой способности (Галилей),
- как эта вычислительная система запускается в действие (Reuland),
- как эта вычислительная система поддерживается в состоянии работоспособности (Воецкх),
- как эта вычислительная система достигает или позволяет достичь своих целей (Hinzen).

Сам по себе язык как предмет размышлений кажется соблазнительно доступным, а потому далеко не всегда теория языка бывает занятием только лингвистов-профессионалов. В частности, есть много психологических теорий языка (психология языка), философских теорий языка; есть логические, теологические [Schmitter 1996: ix], математические теории языка. Каждый из этих профессиональных уклонов («изводов») обладает не только своими исходными предположениями, но и техниками демонстрации и размышления, иногда очень далекими от того, к чему мы привыкли в профессиональном языкознании, усваиваемом в рамках сегодняшних образовательных программ по лингвистике.

Кроме «научных», есть еще и «домашние», любительские теории языка: подобно тому, как о падающих предметах мы говорим, опираясь на «домашнюю» теорию всемирного тяготения, о языке в бытовом общении говорят, опираясь на представления, иногда очень далекие от передовых рубежей современного языкознания. Этот аспект исследования получил название «язык о языке», ему посвящена крупная отечественная публикация [Арутюнова и др. 2000].

Бытовые теории языка не так безобидны, как кажется на первый взгляд. Сегодня, как и раньше, приходится сталкиваться с социальными

последствиями неадекватных представлений и предрассудков, касающихся «недоразвитых» и «неполноценных» языков [Naroli 1996: v].

Занимаясь теоретизированием, ученый зачастую отрывается от обыденных проблем, связанных исключительно со сбором и анализом материалов, существенных для его науки. Главная цель лингвиста – обнаружить единство разнородных явлений (сходств и различий, далеко не всегда лежащих на поверхности), причинно-следственных связей между наблюдаемыми явлениями. Не менее важной и ответственной задачей является, впрочем, и подтверждение или опровержение самих данных – на фоне того «пред-знания», которое у исследователя на данный момент уже имеется. Например, некоторые теории были высказаны задолго до того, как были подтверждены большим фактическим материалом. Вспомним гипотезу о родстве санскрита с европейскими языками, высказанную У. Джоунзом задолго до создания сравнительно-исторической методики и грамматики индоевропейских языков, а всего лишь на основании сопоставления небольшого числа примеров [Koerner 1989: 377]. Некоторые неожиданные факты признаются как то, что не опровергает уже предложенные объяснения, однако требует косметического уточнения теории. Другие же замалчиваются или объявляются несущественными (ср.: [Wardhaugh 1995: ix]).

В определенные периоды истории нашей науки «отрыв» теории от фактов справедливо характеризовался как недопустимый произвол, ср.: «Демонстрируя тем самым свое бессилие справиться с языковым материалом, Н.Я. Марр фактически отстраняется от этого материала и выносит свои «теории» за пределы научно доказуемых языковых явлений» [Звегинцев 1957: 72].

2. Философия языка

Особую область теоретизирования представляет собой «философия языка» как «крышечная» дисциплина, объединяющая размышления о языке в рамках «здорового смысла» и не предполагающая опоры на фактографию, относящуюся ко многим техническим деталям устройства языка, доступным лингвистам-профессионалам. Это чаще всего анализ понятий, лежащих «под ногами» любого более или менее образованного человека. Философ языка подобен опытному водителю, знающему, прежде всего, технику вождения автомобиля, но отвлекающемуся от предназначения и смысла всяких карбюраторов и мелких деталей. Иначе говоря, такой философ задумывается над философским смыслом – над человеческим измерением – бытования языка.

В той мере, в какой в сферу философии языка бывают вовлечены и теоретические основы методов, бытующих и допустимых в лингвистике [Fodor, Katz 1964: 18], это еще и «философия лингвистики», аналогичная «философии истории» и коренящаяся в национальных традициях «философствования». Такая философия языка «представлена несколькими национальными вариантами, национальными школами, характеризующимися – каждая – своими излюбленными темами и способами работы с ними» [Степанов 1998: 11].

3. Теоретическая лингвистика и лингвистическая теория

Многие из значений термина *теория языка* входят в понимание терминов *лингвистическая теория* и *теория лингвистики*.

Лингвистика как профессиональная деятельность связана со сбором, описанием и объяснением языковых данных [Whitney 1892] (ср. с: [Lehmann 1978: 426]). Объяснение и предсказание как сфера одного из разделов лингвистики, называемого теоретической лингвистикой, состоит в выдвигании и проверке теорий, относящихся к разным областям языка. Например: как языковые формы получают свои – языковые и внеязыковые – интерпретации [Bartsch 1979: 23]? Такие теории различаются по эмпирической базе, по методологической («философской») базе и по целям (см.: [Lehmann 1981: 1]). Но главная «сверхзадача» теоретической лингвистики заключается в том, чтобы давать ответы на вопросы типа: почему и в чем языки такие разные и почему все они так похожи друг на друга? [Perlmutter 1980: 195]. Начиная с 1960-х гг. лингвистическую теорию связывали с универсалиями описания языков, с ответом на вопрос о том, почему описания совершенно разных языков сшиты по одной мерке, варьирующейся только в незначительных деталях (ср.: [Katz 1967: 342]).

Ядро же лингвистической теории, по мнению лингвистов-профессионалов, особенно лингвистов-когнитологов, представляют рассуждения о том, как человек усваивает и хранит грамматические структуры, как ментальные репрезентации этих структур могут выглядеть и как они сочетаются с лексической информацией при создании и интерпретации высказываний [Stolterfoht, Featherston 2012: vii].

4. Теория лингвистики

Этим термином обозначают такое представление (такую «презентацию») профессиональных теорий языка, в которой говорится о внешних обстоятельствах зарождения или ухода этих взглядов. На-

пример, когда говорят [Taylor 1987: 3], что античная лингвистическая теория как система взглядов, отличная от более ранних философских размышлений на темы грамматики, была создана стоиками, имеют в виду именно теорию лингвистики. Или когда указывают на осознание в европейской лингвистике 17 в. недостаточности теории частей речи для объяснения реального поведения единиц языка в высказываниях (см.: [Bartlett 1987: 39]). По такому представлению очень часто судят об уровне развития лингвистики в целом. Наличие хотя бы завалящей теории придает научной дисциплине признаки респектабельности как основание для самоуважения.

Лингвистика как ремесло, состоявшее только в обучении родному или иностранному языку, выглядела менее респектабельно, чем сегодня, когда появляются все новые области профессиональной лингвистической деятельности: одна номенклатура различных «лингвистик» чего стоит! В теорию лингвистики сегодня включены:

– положения, изобретаемые или имеющие хождение в рамках лингвистики как профессионального занятия лингвистов (то есть теории в лингвистике); например, когда говорят, что некоторое направление (скажем, структурализм [Hasan 1987: 103]) начало бурно развиваться и недавно прекратило свое существование;

– объяснения того, как устроена лингвистика, как она развивается и как из одних посылок и эмпирических результатов получаются другие.

Иногда такие объяснения называют металингвистической («метанаучной») [Itkonen 1978]) теорией, занимающейся общезначимыми («универсальными») свойствами лингвистических описаний естественных языков, ср.: «In particular, linguistic theory is concerned with whatever such descriptions have in common – with **universals** of linguistic description» [Fodor, Katz 1964:19].

С теорией лингвистики имеют дело, убеждаясь в том, насколько наша дисциплина еще не достигла уровня науки, в которой доказательство можно получить чисто формальным дедуктивным путем по образцу геометрии [Moore, Carling 1982: 139]. Попытки получить стройную дедуктивную систему предпринимались много раз, обзор структуры некоторых из них (особенно глоссематики) см. в [Qvarnström 1987: 446]. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что для изложения именно профессиональной «лингвистической теории лингвистики» дедуктивные построения не очень типичны. Гораздо чаще мы сталкиваемся с переплетением доводов и возражений, из которых

нельзя сделать каких-либо определенных выводов [Kertész, Rákosi 2014: 4]: главная цель таких рассуждений – «заострить» проблемы, установить, что что-то так или что-то не так в нашей науке о языке.

Перефразируя известную истину, можем сказать: теория лингвистики устанавливает, сколько в нашей науке еще не сделано и сколько еще предстоит не сделать.

В отличие от описаний конкретных языков, тексты теоретиков редко представляют собой «протокол» непосредственного наблюдения над поведением языка: очень часто это протокол наблюдений над наблюдателями (например, когда пишут о том, как Гумбольдт рассуждал о языке), над теми, кто наблюдает над последними (особенно в исследованиях по истории теоретической лингвистики) и т.д. Исследователи теории лингвистики описывают соотношения языка и его компонентов как бы через плечо тех, кто раньше рассматривал эти соотношения. Поэтому цепочка «положение – эмпирическая вероятность (в идеале: подтверждение или опровержение)» очень далека от практики такого теоретизирования.

«Представительская» функция теории лингвистики приводит к репутационным взлетам и падениям нашей научной дисциплины в целом, поскольку "... theory and theoretical discourse are constituted out of social practices and institutional imperatives that are not strictly within the purview of theory itself. Theory is, at least in part, driven by interests that are not theoretical" [Tyler 1995: 285]. Адекватность теории лингвистики оценивается не только на основе содержательного правдоподобия постулатов и выводов, но и по тому, какие результаты она способна предсказать, а также насколько эти результаты можно оценить из-за границ лингвистики [Taylor 1999: 37]. Такая теория дает повод для гордости, показывая вершинные достижения. Как холодный душ звучит поэтому едкое замечание У. Лабова, что в любви к теоретизированию ради теоретизирования мы иногда переходим границы здравого смысла и любим теориями как самоценными продуктами [Labov 1988: 159]. А ведь теория – это как снаряд, который, пусть и обладает своей эстетикой, но в первую очередь должен поражать цель [Labov 1988: 182].

5. Лингвистическая теория как теория языка и как теория лингвистики

Как показывает анализ употребления термина *лингвистическая теория*, иногда бывает очень трудно разделить два указанных значе-

ния. Разграничение, кажущееся логически правдоподобным, в узусе лингвистов не всегда однозначно.

Одной из главных целей лингвистической теории всегда было выявить и продемонстрировать систему, лежащую в основе языковых явлений, – то постоянное, что со временем приводит к изменению самой системы [Ельмслев 1943: 269]: «Теория вооружает нас для встречи не только с теми случаями, которые встречались нам ранее, но и с любым возможным случаем» [Ельмслев 1943: 276].

Лингвистическими теориями обычно называют:

– теоретические построения, изобретаемые или имеющие хождение в рамках лингвистики как занятия лингвистов (то есть теории в лингвистике); степень эмпирической обоснованности таких теорий весьма вариативна; так, иногда (но уже в рамках теории лингвистики) сардонически констатируют, что эти теории базируются на чистой идеологии без всякого эмпирического фундамента (см.: [Lüdtke 1985: 102]), в то время как нужно было бы изгнать физикализм, биологизм и другие неправомерные «измы» из лингвистики (см. [Lüdtke 1985: 102-103]);

– объяснение явлений (не обязательно языковых) как следствие того, что человек обладает языком и/или употребляет язык; например, говорят о лингвистическом объяснении явлений психики человека («лингвистическая психология»), о сущности всего, что нас окружает («лингвистическая философия»), о свойствах доказательства, доказательности и убеждения («лингвистическая теория аргументации»).

Иногда в состав лингвистической теории включают не только систематизированные сведения об истории и современном состоянии языков, но и основания для классификации материала и методы лингвистического исследования [Slama-Cazacu 1983: 258]. Более того, американские структуралисты вплоть до прихода генеративизма очень часто приравнивали лингвистическую теорию методике обработки языкового материала. Тестом на состоятельность теории было установление того, насколько удачно получается языковое описание с помощью конкретной теории [Cole 1976: 563]. Нечто похожее было и в глоссематике: «Цель лингвистической теории – создать процедурный метод, с помощью которого можно понять данный текст, применяя непротиворечивое и исчерпывающее описание» [Ельмслев 1960: 276].

Как мы помним, Н. Хомский перевел это отношение на другую платформу: лингвистическая теория должна давать ответ на вопрос о том, какое из конкурирующих описаний одних и тех же языковых явлений следует предпочесть как более простое [Chomsky 1972: 189],

более общезначимое [Shapiro 1972: 343], более глубокое, более продуктивное и т.п.

Лингвистическая теория обладает «внутренней областью», связанной с аналитическими процедурами рассуждения, и «внешней», связанной с эмпирическими данными из различных языков [Beaugrande 1984: 18]. Главной задачей лингвистических теорий является, со времен раннего генеративизма, разработка «рестриктивной» (restrictive) объяснительной теории, конкретно задающей свойства всех человеческих языков [Putnam 2010: 1]. Не менее важной и сложной задачей является объяснение того, как и почему человек усваивает язык на основе конечного набора данных об употреблении этого языка [Lasnik 1989: 102]. Причем «теория усвоения языка» далеко не во всех пунктах прямо выводима из теории языка (см.: [Matthews 1989: 1]; по [Wexler, Manzini 1987: 41]); усвоение языка представлено особыми модулями, взаимодействующими с модулями языкового и внеязыкового знания.

Тот факт, что объяснительность стала цениться выше, чем простая описательная адекватность, некоторые (например, [Pullum 1991: 11-12]) склонны оценивать как моду, которая рано или поздно должна смениться (возможно, уже сменилась) другими приоритетами. Впрочем, можно следить за модой, но не обязательно перед нею пресмыкаться: “One can keep a finger on the pulse of fashion without licking its boots” [Pullum 1991: 11].

При всем разнообразии формулировок, можно сказать, что вопрос на протяжении многих столетий сводится к следующему: как связана форма с целью, или функцией выражения? Одни группы исследователей доказывают, что форма не предопределена функцией, другие же пытаются открыть если не прямое, то хотя бы опосредованное мотивирующее соотношение между формой и функцией [Guu 1996: 221-222].

6. Лингвистическая теория как теория «языка + не-языка»

Теория, предсказывающая или объясняющая наблюдаемые универсальные закономерности языков, ближе к прототипу лингвистической теории, чем та, которая этой способностью не обладает (см.: [Jacobs 1992: 8]). Лингвистическая теория как теория языка тем лучше, чем она компактней, а при этом чем меньше данных по конкретным языкам оставляет без объяснения [Dik 1980: 48]. Конечно, если лингвистическая теория никак не трактует конкретные случаи грамматической правильности предложения, то вряд ли это теория языка; однако этим лингвистическая теория не должна ограничиваться

(см.: [Strömquist, Hellstrand, Nordqvist 1999: 25]). Сегодня очень убедительно звучит антиструктуралистский тезис, что лингвистическая теория по совместительству – это и теория человека, то есть, входит в состав антропологии в широком смысле слова [Lösener 1997: 139].

Лингвисты – как и представители других гуманитарных и социальных наук – очень чувствительно относятся к «внешней» верификации своих теорий. В этом смысл теории лингвистики. Такая чувствительность коренится в том опасливо-скромном предположении лингвистов, что язык ценен не сам по себе и не только для себя, а как инструмент для достижения чего-то за пределами собственно языковой компетенции [Ehlich 1998: 11].

6.1. Лингвистическая теория языка и тела

Сегодня тезис об *embodiment* (о «воплощении») получил широкое распространение в когнитивных науках: «внешняя» сторона ментальной деятельности человека привязана к телу человека, а язык нельзя начисто отделить от физической реализации человеческого поведения [Armstrong, Stokoe, Wilcox 1995: 34] и от биологических аспектов функционирования этого тела в коммуникации и в социальном взаимодействии [Labov 1989: 1]. Тело человека «отражается» нашей ментальностью, даже когда мы сознательно подкрепляем свои мысли жестами [Armstrong, Stokoe, Wilcox 1995: 36]. Отсюда – большой интерес к исследованию движений тела, сопровождающих речь, как ключ к пониманию речи. Ведь жесты активно (а не орнаментально) участвуют не просто в продуцировании речи о событиях, но и в создании речевых событий. Референция речи к событиям создается в форме указывающих жестов и в направлении взгляда и «вычисляется» интерпретатором на основе механизмов «пространственного синтаксиса» (*spatialised syntax*); ср. стратегии усвоения родного языка плохо слышащими детьми [Campbell 1996: 89]. Исследования «телесного воплощения» успешно сочетаются с функциональным подходом к языку (ср.: [Feldman 2006: 33]).

Итак, связь языка с восприятием и с телом человека должна учитываться лингвистической теорией [Suppes 1980: 27]. Этот взгляд проповедовал В. Ингве в своих поздних работах, призывая к созданию «лингвистики человека» (*human linguistics*) по образцу наук о природе [Yngve 1986: 100]. Тем не менее, далеко не все теоретики – даже самые отчаянные когнитологи – готовы уже сегодня сделать нейрофизиологические механизмы непосредственным предметом лингвистиче-

ской теории. Чаще предполагают (вместе с «новыми структуралистами»), что язык как абстрактная система далеко не во всем доступен лингвистическому исследованию (см.: [Lieb 1992: 2]). Это исследование роднит лингвистику по методам с науками о природе и нацеливает не просто на адекватное описание эмпирических данных, а на формулирование и верификацию гипотез об устройстве человеческой природы в рамках широкой лингвистической теории как теории языка и неязыка в их совокупности. Скажем, когда лексикографию как эмпирическую деятельность не считают частью лингвистической теории, в отличие от теории и методики лексикографии [Wiegand 1984: 13].

6.2. Психологическая реальность лингвистической теории

Особенно сурезно в последние годы лингвисты-теоретики относятся к эмпирическим результатам психологии. Этот «психологический поворот» часто связывают опять-таки с работами Н. Хомского, который, в отличие от своих предшественников – структуралистов, полагававших, что язык является самодостаточным объектом изучения, рассматривал язык как феномен человеческой ментальности, а лингвистику – как раздел когнитивной психологии.

Конечно же, это не значит, что лингвисты должны побросать все свои профессиональные инструменты и пользоваться только психологическими методами [Soames 1984: 155]. По [Green, Morgan 1996: 2], водораздел между старой и новой позициями проходит по следующей линии: до Хомского задача состояла в исследовании языка как такового; с приходом Хомского главным объектом исследования стала абстрактная (ментальная) репрезентация человеческой способности к языку [Jackendoff 1972: 10], описание того, в чем состоит умение говорить на данном языке [Jackendoff 1978: 201], то есть, в чем состоит это знание и какова структура человеческой ментальности, позволяющая это знание языка усваивать [Culicover 1997: 1]. При этом предполагается, что многие важные свойства языка не выучиваются каждым индивидом с нуля, а заложены в человеке от рождения. Лингвист должен отделить усвоенное знание от врожденного, чтобы «объяснить ту скорость, с которой дети осваивают родной язык стихийно, на основе фрагментарной информации» [Jackendoff 1978: 201].

Ясно, что теория знания языка не сводится к теории языка. Недаром в обыденной речи и в грамматическом (особенно генеративном) описании осознанное знание языка как искусства строить правильные предложения представляется с помощью различных фигур речи, таких

как предикаты создания осязаемых предметов – *строить, получать, составить* – и трансформирования: *вставить, удалить, опустить, добавить* (подробнее см.: [Green, Morgan 1996: 11]). Как если бы речь шла об элементах конструктора, из которых строятся физические объекты. А сложность языкового выражения – опять-таки метафорически – оценивается в терминах псевдокомпьютерных процедур, с помощью которых эти высказывания задумываются и реализуются в реальном пространстве-времени [Ristad 1990: 521], а также когда эти процедуры, организованные в «модули», увязываются между собой при продуцировании и распознавании речи, см.: [Halvorsen 1988: 203].

Каким же психическим процессам соответствуют указанные предикаты? Что лежит за этими метаязыковыми фигурами речи? Какова *психологическая реальность* объяснения в лингвистическом описании? Эти вопросы также лежат в плоскости лингвистической теории, выходящей далеко за пределы собственно языка.

Лингвисты-непсихологи в разной степени трепетно относятся к требованию психологической реальности по отношению к модели языка. В этой области, по [Linell 1979: 3], имеем шкалу: радикальный физикализм (ни у какой лингвистической теории не может быть психологической реальности) – пессимизм (психологическая реальность бывает, но мы никогда не можем быть с уверенностью указать, где она кончается) – умеренный реализм – наивный оптимизм. Это придает нашей проблеме еще одно измерение – психологической реальности объекта исследования, преломленной в ментальности исследователя [Kühlewind 1991: 8].

6.3. Коммуникативная реальность лингвистической теории

Социальная природа языка привносит в лингвистическую теорию, помимо психологии «одинок», еще и социальную психологию и «социальную семиотику» человека, проявленные в человеческом общении [Halliday 1984: 5]. Поэтому кроме индивидуально-психологической реальности, можно говорить о социологической, культурологической, даже о «биологической» реальности лингвистического объяснения [Bickerton 1981: 294].

Интерес к прагматике в 1980-е гг. выразился в исследовании социокультурных и социально-психологических факторов общения, в анализе диалога и спонтанной речи, со всеми их отклонениями от строгой системы, а также – с приходом компьютеров – во введении в исследовательский оборот больших наборов («корпусов») текстов.

Так были созданы предпосылки для социологического исследования текста (ср.: [Hinrichs 1989: 3]), которое объяснило бы, почему в связанном тексте столь часто встречаются логические несурезицы и «несвязности». Или почему из предложений с явной или скрытой алогичностью читатель способен сделать правильные логические выводы [Seuren 2013: 4]. Так, из высказывания *Маше завидуют все девочки в ее классе* должно было бы вытекать, что Маша завидует сама себе – однако нормальному носителю языка такое в голову не приходит. Предложение *Ты сын своего отца?* как запрос информации звучит глупо, а *Ты сын Петра?* (когда отца адресата зовут Петр) вполне нормально. «Подправляя» обыденный язык, здравый смысл и обыденная логика заставляют нас более пристально взглянуть на мир, о котором мы говорим [Beale 2009: 50]. Недаром одна из традиционных целей преподавания грамматики – научить правильно (то есть, в соответствии со стандартами данного общества) мыслить: стандарты грамматической и логической правильности, по невысказанному предположению такого подхода, соотнесены, но, как мы видим из многочисленных примеров, не идентичны. Если авторитет грамматики родного языка недостаточно высок, выбирают грамматики языков, заслуживающих большего доверия (в Европе – латынь) или конструируют искусственный «идеально логичный язык». Но ведь может быть и обратный случай, когда обыденный язык диктует логике свои условия, приравнивая ее к обыденным коммуникативным нуждам человека. Особенно ясно это в случае пропаганды.

Итак, когнитивная и коммуникативная функции языка в жизни взаимодействуют: «Эта двойная подчиненность – законам и принципам языка и мышления – обуславливает, пожалуй, самое важное качество нормального употребления языка: логическую (или смысловую) связность и соответствие ситуации» [Звегинцев 1973: 151]. Так воплощается синтез двух направлений философского анализа языка [Kusch 1989: 6]: язык как исчисление у М. Хайдеггера (люди создают высказывания как самооценку) и язык как средство сообщения у Э. Гуссерля (человек говорит и пишет не только и не столько для себя, сколько для передачи другим людям).

Но возникает следующий вопрос: Верно ли, что чем больше выбор грамматических средств у данного языка, тем больше у него коммуникативных возможностей [Dixon 2010: 13]? Так, количество падежей в финском языке и форм императива в языке туока (Колумбия) значительно больше, чем в английском. Означает ли это, что языки

и по своим коммуникативным возможностям неравноценны? Ведь это противоречило бы гипотезе о коммуникативной эквивалентности и о взаимопереводимости языков.

У соотношения когниции и коммуникации есть и другая сторона. В общении с себе подобными люди стараются пользоваться той разновидностью языка, которая (по их предположению) понятна собеседнику. Вряд ли с продавцом или с полицейским мы будем говорить языком своих лингвистических теорий или на древнерусском языке. Об этой идее «полилектной» грамматики см. в [Trudgill 1983: 8]. У. Лабов полагал, что не бывает людей с одним-единственным стилем общения (о «принципе передвижения стиля см.: [Labov 1972: 112]). Иначе возникает комическая ситуация, когда «тропические дали оглашаются криками отца Федора: *Не корысти ради, а токмо волею пославшей мя супруги!*» (И. Ильф, Евг. Петров, Двенадцать стульев: [Классическая редакция романа], 1928).

Абстрагируясь от культурного контекста, вряд ли можно описать значение даже самых простых лексем языка [Wierzbicka 1993: 34]. Использование языка в конкретном коммуникативном контексте объясняет, по мнению У. Лабова [Labov 1989: 1], почему в данном обществе приняты данные, а не иные языковые техники, которые также являются предметом лингвистической теории.

6.4. «Языковая реальность» не-языка

«Языковая реальность» мира – адекватность мировоззрения используемому языку – характеризует языковые средства, с помощью которых человек создает мир и «передает» его другим людям. Попутно и сам язык «доконструируется» и переделывается [Grice 1987: 3-4, 10], чтобы «дорасти» до постоянных происходящих перестроек человека и мира.

На вопрос, почему данные языковые формы означают те или иные предметы (обычно задаваемый при обращении к истории языка) [Lieb 1983: 16], можно посмотреть под углом зрения языковой реальности предметов и знаний как на частный случай «археологии знания» в смысле [Foucault 1969]. Такая археология реконструирует ход возникновения не только мира [Anderson 1985: 1], но и фонда человеческих знаний об этом мире. Такой фонд включает, среди прочего, и историю того, как возникли и как реализовались принципы построения языковых выражений в различных сферах употребления языка. Это приводит нас к любимому сюжету когнитивной лингвистики: как кон-

цептуальная категоризация отражена в языке “(via linguistic categorization)” [Smith 1993: 531].

Бессмысленно описывать все богатства живого языка, отвлекаясь от понятийного аппарата человека, для которого и предназначено это описание. Но вот почему одни понятийные категории человека в конкретном языке связаны с лексическими средствами, а другие – с грамматическими? И почему в этом отношении языки различаются между собой? Грамматическая организация высказываний связывается обычно с законами мышления, выводящими нас за пределы «чистого языка» в себе и для себя, связанного в первую очередь с лексикой. Получается, что культуры, обслуживаемые различными языками, могут по-разному соотносить понятийные категории с законами мышления. То есть, говоря на разных языках, мы мыслим по-разному. «Лексикоцентристы» обходят это заключение, полагая, что в языке все – лексика, в том числе, и то, что кажется грамматическим [Speas 1990: 1].

Установление «языковой реальности» того, что прямо к языку не относится, лежит в основе того раздела философии, который имел в виду Дж. Катц, когда говорил о том, как лингвистическая теория может применяться в философии, где некоторые фундаментальные проблемы можно связать с представлениями о природе языка [Katz 1967: 340]. Однако когда философ сопоставляет взгляды Э. Бенвениста на «я» со взглядами М. Хайдеггера на бытие (характеризуемое через предикацию существования, а именно, как «абсолютный антисубъект») [Meschonnic 1990: 185], возникает проблема не только языковой реальности, но и языковой реализуемости философского объяснения.

Итак: все ли мыслимое возможно сказать (языковые реальность и реализуемость мысли), и все ли сказанное можно помыслить (внеязыковая реальность и реализуемость языка) – два разных, но взаимосвязанных вопроса. Суждение «Мысль изреченная есть ложь» (Ф.И. Тютчев) – всего лишь одна из возможностей ответа на второй вопрос: ведь ложь – не только то, что неправильно (логически или фактически) думать, но и то, чего нельзя помыслить.

Поучителен в этом смысле следующий диалог из «английской жизни»:

– Джон, оказывается не солнце всходит и восходит, а земля вращается вокруг солнца!

– Ну что ты, Майк, это было бы известно.

Сколько мы еще не знаем о языке! И сколько нам еще предстоит не узнать!

Заключение

1. Теория языка – декларируемая цель таких дисциплин, как лингвистическая теория, теория лингвистики и философия языка, в разной степени достигаемая и достижимая. Как показывает история теоретической лингвистики последних столетий, теория языка не бывает «чистой», отвлекающейся от не-языка, когда теоретики стремятся установить адекватность своих построений тому, что лежит за пределами языка.

2. Оценка адекватности лингвистической теории включает сопоставление языка и не-языка в двух следующих аспектах:

- языковые реальность и реализуемость мысли выявляются при установлении того, все ли мыслимое возможно сказать;
- внеязыковая реальность и реализуемость языка выявляются при установлении того, все ли сказанное можно помыслить.

Эмпирическое исследование показаний исторически зарегистрированных языков (на основе больших корпусов текстов) в решении вопросов о реальности и реализуемости составляет предмет таких дисциплин, как лингвистическая философия, лингвистическая психология, лингвистическая политология и т.п.

Литература

Арутюнова Н.Д. и др. Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000.

Блохин Л. Ф. Типичные ошибки в словоупотреблении: Словарь. М.: ИНИОН РАН, 2002.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: пер. с англ. // Новое в лингвистике. М.: Иностранная литература, 1960. Вып.1. С. 264-389.

Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.

Anderson S.R. Phonology in the Twentieth Century: Theories of Rules and Theories of Representations. Chicago; London: University of Chicago, 1985.

Armstrong D.F., Stokoe W.C., Wilcox Sh.E. Gesture and the Nature of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Bartlett B.E. The grammarian's contribution to the study of semantics: Renaissance to Enlightenment // Speculative grammar, universal grammar and philosophical analysis of language / ed. by Buzzetti D., Ferriani M. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1987. P. 23-41.

Bartsch R. The syntax and semantics of subordinate clause construction and pronominal reference // Selections from the Third Groningen Round Table / eds. Heny F., Schnelle H.S. N.Y. etc.: Academic Press, 1979. P. 23-59.

Beale W.H. Learning from Language: Symmetry, Asymmetry, and Literary Humanism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.

Beaugrande R. de Linguistics as discourse: A case study from semantics // Word. 1984. Vol. 35. № 1. P. 15-57.

Bickerton D. Roots of Language. Ann Arbor: Karoma, 1981.

Campbell R. Insights into language structure and function: Some consequences of prelingual hearing loss // Evaluating Theories of Language: Evidence from Disordered Communication / Dodd B., Campbell R., Worrall L. (ed.). London: Wurr, 1996. P. 74-96.

Chomsky N. Language and mind. New York etc.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

Cole P. The interface of theory and description // Language. 1976. Vol. 52. № 3. P. 563-583.

Culicover P.W. Principles and parameters: An introduction to syntactic theory. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Dik S.C. Seventeen sentences: Basic principles and application of functional grammar // Current approaches to syntax / ed. by Moravcsik E.A., Wirth J.R. New York etc.: Academic Press, 1980. P. 45-75.

Dixon R.M.W. Basic Linguistic Theory. Vol. 1. Methodology. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Ehlich K. Medium Sprache // Medium Sprache / Hrsg. Strohner H., Si-chelschmidt L., Hielscher M. Frankfurt am Main etc.: Lang, 1998. P. 9-21.

Feldman J.A. From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language. Cambridge (Massachusetts). London (England): The Massachusetts Institute of Technology Press, 2006.

Fodor J.A., Katz J.J. Introduction // The structure of language: Readings in the Philosophy of Language / ed. by Fodor J.A., Katz J.J. Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice Hall, 1964. P. 1-18.

Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969.

Grace G.W. The linguistic construction of reality. London: Croom Helm, 1987.

Guy G.R. Form and function in linguistic variation // Towards a Social Science of Language: Papers in Honor of William Labov. Vol. 1. Variation and Change in Language and Society / ed. by Guy G.R. et al. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 221-252.

Halvorsen P.-K. Computer applications of linguistic theory // Linguistic theory: Extensions and implications / ed. by Newmeyer F.J. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 198-219.

Hasan R. Directions from structuralism // The linguistics of writing: Arguments between language and literature / ed. by Fabb N. et al. Manchester: Manchester UP, 1987. P. 103-122.

Hinrichs U. Slawistik – Germanistik – Linguistik // Sprechen und Hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988 / Hg. Reiter N. Tübingen: Niemeyer, 1989. P. 3-13.

Green G., Morgan J.L. Practical guide to syntactic analysis. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1996.

Halliday M.A.K. Language as code and language as behaviour: A systemic-functional interpretation of the nature and ontogenesis of dialogue // The Semiotics of Culture and Language: Vol. 1. Language as Social Semiotic. London, Dover: Pinter, 1984. P. 3-35.

Itkonen E. Grammatical Theory and Metascience: A Critical Investigation into the Methodological and Philosophical Foundations of 'Autonomous' Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1978.

Jackendoff R.S. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge (Massachusetts); London: Massachusetts Institute of Technology, 1972.

Jackendoff R.S. Grammar as evidence for conceptual structure // Linguistic Theory and Psychological Reality / ed. by Halle M. et al. Cambridge (Massachusetts); L.: Massachusetts Institute of Technology, 1978. P. 201-228.

Jacobs J. Einleitung // Informationsstruktur und Grammatik / Hg. Jacobs J. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. P. 7-16.

Katz J.J. The philosophical relevance of linguistic theory // The linguistic turn: Recent essays in philosophical method / ed. by Rorty R.M. Chicago, London: University of Chicago, 1967. P. 340-355.

Kertész A., Rákosi Cs. Introduction: The state of the art and the structure of the book // The Evidential Basis of Linguistic Argumentation / ed. by Kertész A., Rákosi Cs. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 1-14.

Koerner K. Practicing linguistic historiography: Selected Essays. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989.

Kühlewind G. Der sprechende Mensch: Ein Menschenbild aufgrund des Sprachphänomens. Frankfurt am Main: Klostermann, 1991.

Kusch M. Language as calculus vs. language as universal medium: A study in Husserl, Heidegger and Gadamer. Dordrecht etc.: Kluwer, 1989.

Labov W. Some principles of linguistic methodology // Language in society. 1972. Vol. 1. № 1. P. 97-120.

Labov W. The judicial testing of linguistic theory // Linguistics in context: Connecting observation and understanding: Lectures from the 1985 LSA / TESOL and NEH Institutes / ed. by Tannen D. Norwood (New Jersey): Ablex, 1988. P. 159-182.

Labov W. Exact description of the speech community: Short A in Philadelphia // Language, change and variation / ed. by Fasold R.W., Schifffrin D. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. P. 1-57.

Lasnik H. On certain substitutes for negative data // Learnability and linguistic theory / ed. by Matthews R.J., Demopoulos W. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 89-105.

Lehmann W.Ph. Conclusion: Toward an understanding of the profound unity underlying languages // Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language / ed. by Lehmann W.Ph. Austin; London: University of Texas, 1978. P. 395-432.

Lehmann W.Ph. Linguistics // Introduction to Scholarship in Modern Languages and Literatures / ed. by Gibaldi J. New York: The Modern Language Association of America, 1981. P.1-28.

Lieb H.-H. Integrational linguistics. Vol. 1. General Outline. Amsterdam: John Benjamins, 1983.

Lieb H.-H. Prospects for a new structuralism: Introduction // Prospects for a new structuralism / ed. by H.-H.Lieb. Amsterdam: John Benjamins, 1992. P. 1-13.

Linell P. Psychological reality in phonology: A theoretical study. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.

Lösener H. Sprachtheorie als Anthropologie: Vom Dualismus des Zeichens zur Pluralität des Geschichtlichen // Technologischer Wandel in den Philologien / Hg. Klein W., Schlieben-Lange B. Stuttgart: Metzler, 1997. P. 139-149.

Lüdtkke H. Umstrittene Linguistik: Sieben Thesen // Nach-Chomskysche Linguistik: Neuere Arbeiten von Berliner Linguisten / Hrsg. Th.T. Ballmer, R. Posner. Berlin, New York: Gruyter, 1985. S. 102-111.

Matthews R.J. Introduction: Learnability and linguistic theory // Learnability and linguistic theory / ed. by Matthews R.J., Demopoulos W. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 1-17.

Meschonnic H. Le langage Heidegger. Paris: Presses Universitaires de France, 1990.

Moore T., Carling Ch. Understanding language: Towards a post-Chomskyan linguistics. London, Basingstoke: Macmillan, 1982.

Napoli D.J. Linguistics: An introduction. New York, Oxford: Oxford University Press, 1996.

Perlmutter D.M. Relational grammar // Current approaches to syntax / ed. by Moravcsik E.A., Wirth J.R. New York: Academic Press, 1980. P. 195-229.

Pullum G.K. The great Eskimo vocabulary hoax and other irrelevant essays on the study of language. Chicago, London: University of Chicago, 1991.

Putnam M.T. Exploring crash-proof grammars: An introduction // Exploring Crash-Proof Grammars / ed. by M.T. Putnam. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 1-12.

Qvarnström B.-O. Nåra huvudtanker i glossematiken // Papers from the Eighth Scandinavian conference of linguists / ed. by Togeby O. København: København U., Institut for Nordisk Filologi, 1987. P. 444-459.

Ristad E.S. Computational structure of GPSG models // Linguistics and philosophy. 1990. Vol. 13. № 5. P. 521-587.

Schmitter P. Vorwort // Sprachtheorien der abendländischen Antike / Hg. Schmitter P. – 2., verb. Aufl. Tübingen: Narr, 1996. P. vii-xii.

Seuren P.A.M. From Whorf to Montague: Explorations in the Theory of Language. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Shapiro M. Explorations into markedness // Language. 1972. Vol. 48. № 2. P. 343-364.

Slama-Cazacu T. Theoretical prerequisites for a contemporary applied linguistics // The Sociogenesis of Language and Human Conduct / ed. by Bain B. New York, London: Plenum, 1983. P. 257-271.

Smith M.B. Cases as conceptual categories: Evidence from German // Conceptualizations and Mental Processing in Language / ed. by R.A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 531-565.

Soames S. Linguistics and psychology // Linguistics and philosophy. 1984. V.7, № 2. P. 155-179.

Speas M.J. Phrase structure in natural language. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1990.

Stolterfoht B., Featherston S. Foreword // Empirical Approaches to Linguistic Theory: Studies in Meaning and Structure / ed. by Stolterfoht B., Featherston S. Berlin: Gruyter, 2012. P. VII-XII.

Stroik T.S., Putnam M.T. The Structural Design of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Strömqvist S., Hellstrand Å., Nordqvist Å. From child speech to literary art: On language development and descriptions of motions // Language and thought in development: Cross-linguistic studies / ed. by Broeder P., Murre J. Tübingen: Narr, 1999. P. 5-28.

Suppes P. Procedural semantics // Sprache, Logik und Philosophie: Akten des vierten internationalen Wittgenstein Symposiums 28. August bis 2. September 1978, Kirchberg am Wechsel (Österreich) / Hg. Haller R., Grassl W. Wien: Hölder – Pichler – Tempsky, 1980. P. 27-35.

Taylor D.J. Rethinking the history of language science in classical antiquity // The History of Linguistics in the Classical Period / ed. by Taylor D.J. Amsterdam: John Benjamins, 1987. P. 1-16.

Taylor J.R. Cognitive semantics and structural semantics // Historical semantics and cognition / ed. by A. Blank, P. Koch. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 17-48.

Trudgill P. On Dialect: Social and Geographical Perspectives. New York, London: New York University Press, 1983.

Tyler S.A. Prolegomena to the next linguistics // Alternative Linguistics: Descriptive and Theoretical Modes / ed. by Davis Ph.W. Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 273-288.

Wardhaugh R. Understanding English Grammar: A Linguistic Approach. Oxford (UK), Cambridge (USA): Blackwell, 1995.

Wexler K., Manzini M.R. Parameters of learnability in binding theory // Parameter setting / ed. by Roeper Th., Williams E. Dordrecht: Reidel, 1987. P. 41-76.

Whitney W.D. Max Müller and the science of language: A criticism. New York: Appleton, 1892.

Wiegand H.E. On the structure and contents of a general theory of lexicography // LEXeter'83: Proceedings: Papers from the International Conference on lexicography at Exeter, 9-12 September, 1983 / Hg. Hartmann R.R.K. Tübingen: Niemeyer, 1984. P.13-30.

Wierzbicka A. The alphabet of human thoughts // Conceptualizations and Mental Processing in Language / Ed. by R.A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 23-51.

Yngve V.H. Linguistics as a Science. Bloomington, Indianapolis: Indiana UP, 1986.

Valery Z. Demyankov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

LINGUISTIC THEORY: THEORY OF LANGUAGE AND THEORY OF LINGUISTICS

Texts on theoretical linguistics demonstrate different but intersecting meanings of the term ‘linguistic theory’: “theory of language” (theory of what languages are), “theory of linguistics” (the way linguistics as a scholarly discipline is organized) and “linguistic theory of language” (theoretical investigations done by professional linguists). These three notions presuppose different adequacy measures as well as different degrees of non-linguistic (in particular, psychological) reality of theories vs. linguistic reality of non-language.

Key words: theory of language, linguistic theory, theory of linguistics, non-linguistic reality of linguistic theory, linguistic reality of non-language.